

М. В. БЕЛОВ

НЕОКОНСЕРВАТОРЫ ИЛИ ОХРАНИТЕЛИ, ПАТРИОТЫ ИЛИ НАЦИОНАЛИСТЫ? РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ БОЛГАРСКОГО ИСТОРИКА

Книга болгарской исследовательницы Тины Георгиевой «Консерватизм и национализм в России. Вторая половина 60-х – середина 80-х гг. XIX века» (2015) анализируется в контексте текущей историографии проблемы. Позиция автора книги компромиссна по отношению к главенствующему тренду в пользу консерватизма в истории русской мысли, и к его критикам, а взгляды русских националистов пореформенного периода выявляются как реакция на ситуацию в имперских окраинах.

Ключевые слова: Т. Георгиева, русский консерватизм, охранительство, русский национализм, реформы и контрреформы 1860–1880-х гг. в России

В 2015 г. в великотырновском издательстве «Фабер» вышла в свет книга доцента Софийского университета «Св. Климент Охридский» Тины Георгиевой о консерватизме и национализме в России пореформенного периода¹. Консервативный тренд нулевых годов в России привел к формированию целой исследовательской индустрии, в которой магистраль русской общественной мысли конца XVIII – начала XX века решительно переместилась вправо. Новую когорту историков (политологов, философов, культурологов и т.д.), увлеченных постсоветской «реабилитацией» правого фланга российского «думанья», иногда называют «школой по изучению консерватизма», и ее продукция уже стала предметом критического анализа. Суммируя его, М. Суслов подчеркивает: «...недостатки новейшей историографии заключаются в методологическом вакууме, “историческом фундаментализме”, текстуализме и неадекватном понимании задач интеллектуальной истории. Но главная причина [бедности ее содержания] – это недостаток “историзма”. “Консерватизм” подается как необходимый и достаточный объяснительный факт для исторического события, а тем самым не учитываются ни влияние конкурирующих идеологий, ни другие, более сильные исторические факторы (социально-экономические, например)»².

Т. Георгиева частично учитывает эту критику, занимая компромиссную позицию в поисках «деидеологизированного» подхода к вопросу. Впрочем, импликация методологического фундамента исследования вовсе не сводится к идеологическим декларациям. Компромисс проявляется, в частности, в балансировании между *дискурсивным* и *доктринальным* определением вклада консервативно настроенных ав-

¹ Георгиева 2015. Далее страницы книги указываются в круглых скобках.

² Суслов 2008. С. 287.

торов. Георгиева признает существенные расхождения между ними, но «они одновременно, хотя часто и независимо друг от друга, споря между собой, участвовали в создании общей идеологической доктрины. И все они, независимо от различий, вносят нечто свое в формирование того, что можно определить как русское “патриотически-охранительное движение”» (15). Кавычки в данном случае вполне уместны, поскольку никакого оформленного движения охранителей с партийно-организационной структурой в рассматриваемый автором период еще не существовало, при этом попытка создания такой структуры («Священная дружина» 1881 г.) была задавлена на корню. Это не мешало проведению верноподданных демонстраций, санкционированных и спланированных (полу)официально. Доктринальный осадок от публичной полемики и частных высказываний тех, кого причисляют к консерваторам, при таком подходе выглядит скорее исследовательским конструктом, содержательные грани которого слишком очевидны, хотя, конечно, многие топосы консервативного дискурса пореформенного периода стали лозунгами правых в более поздние времена электоральной политики. Концентрация на «общих местах», как это уже указывалось М. Суловым в цитированной выше статье, приводит к сокращению принимаемого исследователем в расчет контекста дискуссии, а это в свою очередь упрощает итоговую картину.

Более последовательно дискурсивный подход выдержан в исследовании второго феномена, вынесенного в заголовок монографии: «Полагаем, что термины “национальный дискурс” и “национальный русский проект” (конкурирующий с другими национализмами. – М.Б.) наиболее отвечают тем задачам, которые мы ставим: представить основные проблемы, которые общество формулировало в тот период и рассматривало как национальные приоритеты для имперской власти. Во-вторых, представить предложения, выработанные в среде русской элиты для разрешения тех проблем, которые на практике вели к ревизии традиционной имперской политики. На последнем, но не по важности, месте – обозначить руководящие установки и представления, какие зарождающееся национальное движение формулировало, и которые превратятся в его идеологические рамки по национальному вопросу» (9–10). Здесь Георгиева во многом следует за идеями А. Миллера с его указаниями на различия имперских периферий, вызовов центру в лице местных националистов, необходимости учитывать межимперский контекст и говорить о вариативности реагирования – например, о «русификациях», а не об универсальной русификаторской политике по одноразовой рецептуре. У Миллера же заимствована и развернутая в главе 3 монографии идея проникновения русского националистического дискурса в официальную политику: «...было бы ошибкой считать, что даже до создания системы политического представительства между

общественным националистическим дискурсом и имперской бюрократией существовала непроницаемая мембрана. <...> Медленно, не без сопротивления и внутренних противоречий, но правящая элита усваивала определенные элементы идеологии русского национализма, что уже в середине XIX века сказывалось на мотивации ее политики»³.

Сочленение консерватизма и национализма, заявленное в заголовке книги, проясняется во введении. Хотя в данный период в пространстве Российской империи соперничали разные национальные доктрины и движения, создавались проекты и концепции, имеющие, помимо прочего, и националистическую импликацию в рамках одного «национального» поля, речь идет о «специфической русской идеологии – уже не столько имперской, «российской», сколько подчеркнуто русской; самобытной, но с подчеркнуто консервативной направленностью» (15). В другом месте говорится, со ссылкой на М. Смолина и Ф. Селезнева, о «национально-охранительном направлении» (20). При этом понятия охранительство и (нео)консерватизм синонимизируются, как, равным образом, и термины национализм и патриотизм. Такое сближение двух терминов, за пределами современной методологической рефлексии на этот счет, продемонстрировано в схожей по тематике коллективной монографии, вышедшей в том же году на русском языке⁴. Впрочем, отдельные авторы этой объемной книги предпринимают персональные попытки различения этих терминов и/или феноменов.

Терминологическая новация Тины Георгиевой – предложенное ею определение «неоконсерватизм» для правых публицистов и идеологов пореформенного периода, с тем чтобы отделить их от идеологов т.н. «официальной народности» Николаевской эпохи. Хотя, как признает автор монографии, для консервативной волны времени Александра II характерно возрождение известной уваровской триады («православие, самодержавие и народность»), в новые времена она утратила однозначную «официальность» и старые доктринальные ограничения, более того, в условиях реформ с оттенком либерализма, она выражала «своеобразную оппозиционность». Поэтому, если в момент своего появления триада выступала «предохранительной» концепцией, призванной не допустить распространение опасных мнений и настроений, следовательно, она не могла получить творческого развития, то, сражаясь с реформистской бюрократией в 1860–1880-е гг., правые публицисты вынуждены были систематически оттачивать свои идеи и аргументы (16–17)⁵. Развивая мысль Георгиевой, можно добавить, что сама кон-

³ Миллер 2008. С. 152–153.

⁴ Патриотизм и национализм... 2015.

⁵ Другая отличительная черта неоконсерватизма пореформенного времени, в понимании Георгиевой, – все более тесное сочленение «охранительства» с националистической риторикой, что под впечатлением от Польского восстания 1863–

сервативная волна пореформенного времени оказалась возможной только после цензурных преобразований и возникшего вследствие них публичного поля, поэтому правая публицистика оказалась порождением модернизации не обязательно в чисто негативном смысле, т.е. как враждебная реакция на нее.

Относительно проведенного автором книги различия между «предохранительным» и собственно «охранительным» (отложенные вопросы: кем? кого? от чего?) этапом, следует принять во внимание еще одну поправку. Каким бы ни был идейный генезис краткой уваровской формулы, о чем спорят историки, совершенно понятно, что главными политическими обстоятельствами ее появления стали вызовы декабризма, европейских революций 1820–1830-х гг., восстания в Царстве Польском (1830–1831). Иными словами, задачи защиты самодержавия уже стояли в повестке дня. Другое дело, что угрозы были купированы тогда в основном полицейскими мерами, а узкое пространство «общественного мнения» почти полностью контролировалось бюрократией (исключение, быть может, составляли резервации «эзоповой» литературной критики и университетской науки в зазорах конкуренции ее сановных попечителей). Своеобразие ситуации консерваторов пореформенного периода заключается в том, что ходом реформ они были оттеснены от очага власти, как минимум, на периферию, и пытались занять место своих конкурентов, новым «сверхбюрократическим» путем – наращиванием влияния в печати. К середине 1880-х гг., указывает Георгиева, охранительство, в силу изменившихся обстоятельств, вновь превратилось в официальную позицию, что «лишило его жизненности и воспрепятствовало его идейному развитию» (т.е. ресурс доктрины полагается до конца не исчерпанным?). Поэтому этот рубеж обозначил финал работы исследователя; в свою очередь, ее начальной точкой стал выстрел Каракозова.

В первой главе книги анализируются как раз те «общие места» (нео)консервативной публицистики, о которых упоминалось ранее. Поскольку они мыслятся самодовлеющими идеологемами, то их представлению дается в виде крайних проявлений, что нивелирует их ситуативное использование и прямой полемический адресат высказываний. Противопоставление России и Европы (идея «особого пути») возводится к наследию ранних славянофилов и М.П. Погодина с С.П. Шевыревым, хотя можно найти и предшествующие им источники; ближайший – круг «любомудров», с которым соприкасались последние, равно как и А.С. Хомяков и братья Киреевские. Странно, что в этой связи не упомянуты официальная трактовка победы над Наполеоном и первое «Фи-

лософическое письмо» П.Я. Чадаева: они бы разнообразили среду кристаллизации этой идеологемы. По мнению автора монографии, славянофилы ограничивали свое увлечение русской самобытностью вопросами культуры⁶, однако, повторюсь, это было во многом вынужденное ограничение, а обостренный интерес к политике (и сопутствующее антизападничество) проявились у некоторых из них очень ярко во время революций 1848–1849 гг. и в ходе Крымской войны⁷. Другое дело, что их высказывания того времени не могли быть преданы широкой огласке. Во всяком случае, легко согласиться с Георгиевой в следующем: в пореформенных условиях противопоставление России Западу (Европе) стало дополнительным аргументом против модернизации (36–37). Ее псевдонимами в правой публицистике выступали «космополитизм», «прогресс», «либерализм», «эгалитаризм», «парламентаризм» и т.д. Впрочем, как замечает Георгиева, для М.Н. Каткова прогресс обретал позитивные коннотации, поскольку его истинным источником, в рамках его ранней концепции, являлось самодержавие (47). И в этом его позиция сходилась с воззрениями тогдашних российских либералов (но и того же Погодина), что не удивительно, учитывая правый дрейф Каткова из лагеря «западников». Этот казус ставит закономерный вопрос об эволюции воззрений каждого из причисляемых к консерваторам авторов, и о гибридных вариантах идеологического выбора. Стоит задуматься, о применимости к кому-то из них формулы «либеральный (реформистский) консерватизм»⁸, о степени «реакционности», ригидности (или, напротив, лабильности) той или иной позиции.

В первой главе работы Георгиева неоднократно указывает, что «именно славянофильство предоставило неоконсерватизму готовый идейный инструментарий и славянофильские положения были использованы для защиты по существу антиреформаторской политики» (83)⁹. В частности, это видно в интерпретации «простого народа» как носителя истинно русских ценностей и убеждений, моральной правды и истинной (интуитивно-иррациональной) точки зрения на общественные дела. Однако, при всем сходстве такой риторики, практические выводы поздних славянофилов и неоконсерваторов, порой, радикально различались. Хотя консервативно сконструированный «народ», в который мысленно инкорпорировалось патриархальное дворянство, иногда представлялся субъектом, а не объектом исторического развития, «правые идеологи далеки от мысли допускать его к участию в управлении

⁶ Ср.: Rabow-Edling 2006.

⁷ Белов 2017. С. 111–113.

⁸ Это распространенное определение, тем не менее, не было включено в энциклопедию «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века» (2010) под редакцией В.В. Шелохаева, что отметил ее рецензент: Китаев 2012. С. 285.

⁹ Ср.: Engelstein 2009.

под какой-либо формой» (69–71). Расхождения со славянофилами сказались в этой связи по вопросу о возможности созыва Земского собора.

Другой пример: «в то время как славянофильская концепция атаковала элиту обобщенно, как самую образованную и состоятельную часть русского общества, идеологи справа превращают в объект критики только часть ее» (90–91). Это, прежде всего, университетские профессора, учителя семинарий, студенты, либеральная пресса, но также и реформистская бюрократия (к выразителям ее мнения, в пылу полемики, издатель «Гражданина» князь Мещерский причислял и сторонников славянофила И.С. Аксакова). Лжелиберальное европейничанье, нигилизм, «отрицательство» суммировались в правовом дискурсе понятием «крамола» – начало его использования относится к восстанию в Царстве Польском в 1863 г. (98–99)¹⁰. Данный архаизм служил опознавательным сигналом в языке правых публицистов и дискурсивно отражал зреющие в их картине мира «теории заговора», где в соответствии ростом ксенофобии роль коварных недоброжелателей досталась полякам и евреям. Вероятно, стремлением к обрусению понятийного словаря объясняется и отмеченная Георгиевой холодность правых к слишком «западному» термину «консерваторы», напротив, большая склонность к самоопределению «охранители»; показательно, что И.С. Аксаков так себя не именовал (108–109). В то время как охранители занялись реабилитацией Николаевского царствования, круг последнего и в целом славянофилы сохранил к нему негативное отношение (120–121).

Вторая глава монографии посвящена выработке правыми программы контрреформ. Анализируя в начале ее динамику, автор отмечает волнообразную интенсивность критики реформ, определяемую колебаниями правительственного курса, но также и нарастание ее силы в конце 1870-х и начале 1880-х гг. Далее последовательно рассматривается аргументация правых критиков в отношении всех реформаторских начинаний (местное самоуправление, судебная система, образование и печать)¹¹ в сравнении с позицией славянофилов, прежде всего, изданий И.С. Аксакова. В результате были выявлены существенные отличия между ними, а также оттенки мнений и колебания внутри охранителей. «...Отсутствие единства среди правых идеологов сделало проведение контрреформ половинчатым, не позволило сойти с реформаторского курса времен Александра II», – делает вывод автор (186). Хотя, конечно, возврат к крепостному праву и рекрутским повинностям был невозможен совсем по другим причинам. Крайняя реакционность и отсутствие позитивной программы у охранителей отмечены и Георгиевой в заключительной части книги (294–295).

¹⁰ Ср.: Сафронова 2014. С. 142–151.

¹¹ Похожий анализ В.А. Твардовской, ограниченный 1880-ми гг. см.: Русский консерватизм... 2000. С. 276–360.

Различия между изданиями Аксакова (шире: славянофилами)¹² и охранителями сформулированы в конце второй главы. Во-первых, круг Аксакова не разделял фаворитизации правыми дворянства и отстаивал формулу «земской монархии». Во-вторых, славянофилы никогда не отрекались от реформ 1860-х гг. и никогда не думали о возврате к до-реформенным принципам управления, но только о корректировке нововведений в соответствии с русскими традициями. В-третьих, местное самоуправление они рассматривали как «исконную часть русской жизни», совместимую с самодержавием. В-четвертых, нигилизм в их трактовке – внутренняя болезнь русского общества, а не занесенная извне «зараза». Поэтому, делает вывод автор, в оценке реформ «славянофилы намного ближе либеральной среде, чем консерваторам. Аксаков и идейно близкие ему представители русской элиты до конца оставались защитниками основных либеральных принципов – свобода слова и печати, ограничение произвола и верховенство закона» (194).

Определение позиции поздних славянофилов (и самого Аксакова) в пореформенной полемике вызывает стойкие сомнения среди историков. Как правило, они отмечают его колебания между либеральным и консервативным лагерями в стремлении выгородить себе отдельную общественную площадку¹³. Автор свежей биографии «последнего из “отцов”» славянофильства так заключает одну из ее глав: «Существенным образом изменив и конкретизировав учение своего брата, Иван Сергеевич Аксаков создал достаточно отчетливую концепцию “неполитического либерализма”, где постоянное указание на “неполитичность” могло повторяться и утверждаться лишь за счет предельно суженного понимания “политического”, высвобождая тем самым пространство для складывания *политического общества* (курсив автора. – М.Б.) как пространства оформленного общественного мнения»¹⁴. И, как видно из цитат, приводимых Георгиевой, Аксаков часто пользовался моралистической аргументацией в «борьбе за дискурс». Однако пространства публичности формировались в пореформенный период помимо избранной им стратегии полемики и даже за пределами доступных его влиянию социальных сетей, институций и сфер активности.

В третьей главе история русского национализма второй половины XIX в. прослеживается через отношение его идеологов к разным имперским перифериям. Примерно до 1863 г., который, как полагает Георгиева, можно считать датой рождения русского национализма, тот

¹² С одной стороны, в этот период, по признанию Георгиевой, в славянофильстве, утратившем к тому же внутреннее единство, усиливаются консервативные элементы, с другой – изменилось восприятие общества: то, что при Николае I звучало либерально, в пореформенной России уже выглядело консервативно (189).

¹³ Русский консерватизм... 2000. С. 246–252.

¹⁴ Тесля 2015. С. 305.

проходил «позитивный» этап антикварного интереса к истории, языку, быту и т.д. Политика поддержания лояльности центру через делегирование привилегий местным элитам (их кооптации в имперский центр) не подвергалась сомнениям, что было, впрочем, невозможно, как и любое вторжение в сферу государственного управления. Затем Восстание в Царстве Польском сформировало своеобразный «польский синдром», соединивший консерватизм с национализмом, и поставило вопрос о пересмотре прежнего институционально-правового разнообразия на окраинах. Георгиева выделяет два варианта русского национализма, называя первый, с долей условности, «государственным» (М.Н. Катков), а второй «православно-славянским» (И.С. Аксаков). При некоторых различиях в адресации своих посланий оба варианта склонялись к «введению общих для государства правовых норм и управленческих принципов» (200), т.е. к имперской унификации, но, переходя от общего принципа к конкретным предложениям, их подходы программировались специфическим раскладом сил и предполагаемым ассимиляционным потенциалом каждого региона. В результате такого националистического поворота прежняя политика привилегированных относительно центра периферий, связываемая с именем Александра I, виделась уже «непатриотичной» и «антирусской» (202–203). Другими мотивами в развитии русского национализма, как это видно из проведенного автором книги анализа, стали качественно новая социальная мобильность, усилившаяся экономическая конкуренция и перемены на международной арене с образованием Второй Германской империи.

После демонстрации общего подхода, сравнительно кратко рассматриваются случаи Прибалтийских губерний (он расширен за счет усиливающейся германофобии внутри империи) и Финляндии, а более развернуто – еврейский и польский вопрос, сопряженный с соперничеством национальных проектов в т.н. Западном крае, а также поиски «исконных русских земель» или «Другой Руси» за пределами Российской империи¹⁵. Последний случай свидетельствует об обостренном межимперском соперничестве (с Австро-Венгрией) в условиях ускоряющейся национальной мобилизации. Межгосударственная политическая конкуренция только способствовала ей. Содержательно третья глава работы, быть может, представляет наибольший интерес для читателя, поскольку она базируется на широком круге периодических и иных изданий, выявляет множество нюансов в тактике националистов (программирующей ее логике мышления) и оттенки в позиции некоторых из них. Все это связывается с восприятием предложений русских националистов в правительственных сферах, селективно или с отсроч-

¹⁵ Пропуск других окраин (Кавказа, новоприсоединенной Средней Азии и т.д.) специально не оговаривается.

кой реагировавших на них. Многократно отмечены парадоксы противодействия сепаратизму на окраинах, росту национального самосознания нерусских народов или культурной обособленности (религиозных евреев). Они суммированы автором в заключении: «Подобно консерватизму национализм достиг обратного эффекта. Во имя сохранения порядка и стабильности консерватизм пытался воспрепятствовать процессу реформ в государстве и, по возможности, «подморозить» Россию – политика, которая в будущем привела к расшатыванию авторитета власти, радикализации общества и усилению антиправительственных настроений в нем. Сходным образом акцент на ограничительной политике вел к мобилизации соперничавших с русским национализмом, причем мобилизации не только местных элит, но и широких слоев населения, поэтому на практике способствовал усилению и обострению национальных противоречий» (299).

Новая книга о консерватизме и национализме в пореформенной России, соответствующая уровню современной историографии (хотя и компромиссно нивелирующая ее проблемы), конечно, будет полезна болгарскому читателю, которому она и адресована в первую очередь. Однако она же демонстрирует, во всяком случае, в какой-то своей части (об охранительстве), и некоторую исчерпанность традиционного предмета исследования. Дальнейшее изучение национализмов модернизирующейся Российской империи (включая русский) будет еще теснее учитывать их конкурентный, реактивный, взаимозависимый характер. Предложенные русскими националистами проекты административной унификации и ассимиляционного давления (стимулирования) следует сопоставить с вариантами имперского строительства (реформирования) в других пространствах, прежде всего, в Австро-Венгрии и бисмарковской Германии, которые их, безусловно, интересовали¹⁶. Еще одна интересная тема: социальные и политические ресурсы русских националистов, возможности и трудности (в т.ч. внутриконкурентные) их влияния на императорскую власть. Нельзя сказать, что эта тема ранее не разрабатывалась, но изучение сетей персональных контактов посредством дневников и переписки сулит еще немало открытий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белов М.В. «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 1. С. 103–119.
- Георгиева Т. Консерватизм и национализм в Русия (Втората половина на 60-те гг. – средата на 80-те години на XIX век). В. Търново: Фабер, 2015. 311 с.
- Китаев В.А. Большая история русского консерватизма: решения и проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4. С. 282–286.

¹⁶ Выходом за пределы «российской исключительности» стал бы компаративный анализ националистической мифологии и самой идеи «особого пути», характерного для обществ под стрессом модернизации.

- Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
- Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
- Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 440 с.
- Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.
- Суслов М. Новейшая историография российского консерватизма: его исследователи, критики и апологеты // *Ab Imperio* 2008. № 1. С. 253–288.
- Тесля А.А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 799 с.
- Engelstein L. Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2009. 256 p.
- Rabow-Edling S. Slavophile thought and the politics of cultural nationalism. Albany: State Univ. Of N. Y. Press., 2006.

REFERENCES

- Belov M.V. «Molodyye slavyanofily» na puti k «slavyanskomu bratstvu»: balkanskiye puteshestviya 1840-h gg. // *Slavyanovedeniye*. 2017. № 1. S. 103–119.
- Georgiyeva T. Konservatism i nacionalizm v Rusiya (Vtorata polovina na 60-te gg. – srednata na 80-te godini na XIX vek). V. Tyrnovo: Faber, 2015. 311 s.
- Kitayev V.A. Bol'shaya istoriya russkogo konservatizma: resheniya i problemy // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2012. № 4. S. 282–286.
- Miller A. Imperiya Romanovyh i nacionalizm. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2008. 248 s.
- Patriotizm i nacionalizm kak faktory rossijskoj istorii (konec XVIII v. – 1991 g.) / Отв. ред. V.V. Zhuravlev. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2015. 783 s.
- Russkij konservatism XIX stoletiya. Ideologiya i praktika / Pod red. V.Y. Grosula. M., 2000. 440 s.
- Safronova Y. Russkoye obshchestvo v zerkale revolyucionnogo terrora. 1879–1881 gody. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 376 s.
- Suslov M. Novejshaya istoriografiya rossijskogo konservatizma: yego issledovateli, kritiki i apologety // *Ab Imperio* 2008. № 1. S. 253–288.
- Teslya A.A. «Poslednij iz “otcov”»: biografiya Ivana Aksakova. SPb.: Vladimir Dal', 2015. 799 s.
- Engelstein L. Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca; L., 2009. 256 p.
- Rabow-Edling S. Slavophile thought and the politics of cultural nationalism. Albany, 2006.

Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; belov_mihail@mail.ru

New conservatives or okhraniteli, patriots or nationalists? Reflections on the book of Bulgarian historian

The book by Bulgarian researcher Tina Georgieva "Conservatism and Nationalism in Russia. The second half of the 60's - mid 80's of XIX century" (2015) is analyzed in the context of contemporary historiography. The position of the historian is a compromise between the supremacy of the trend, which favors conservatism in the history of Russian thought, and its critics. Georgieva reveals the position of Russian nationalists in the post-reform period as a reaction to the situation in the imperial outskirts.

Keywords: T. Georgieva, Russian conservatism, okhranitelstvo, Russian nationalism, reforms and counter-reforms in the 1860s, 1870s, and 1880s in Russia

Michael Belov, Ph.D., the Head of the Department of Modern and Contemporary History, the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; belov_mihail@mail.ru